Чумичева О.В.

ИНОК ГЕРАСИМ ФИРСОВ - СОЛОВЕЦКИЙ ПИСАТЕЛЬ ХУП в.

Нет никаких сведений о том, когда появился в Соловецком монастыре инок Герасим Фирсов. Нет данных о его происхождении, мирском имени, занятиях до монашества. Впрочем, это же можно сказать о многих чернецах. К середине 1640-х гг. Герасим находился в обители. Более того - он уже вошел в монастырскую жизнь. К этому времени относятся его первые литературные произведения.[1] В 1652 г. соловецкий уставщик и писатель Никодим собирался представить цикл сочинений Герасима Фирсова о митрополите Филиппе патриарху Никону для одобрения и официального распространения. Смерть Никодима помешала этому.[2]

Какое место занимал Герасим в монастырской иерархии в 1640-х - начале 1650-х гг., неизвестно.[3] В опубликованных Н.И.Субботиным соловецких документах упоминается ссылка Фирсова в Николо-Корельский монастырь после наказания плетьми. Причиной послужила челобитная Герасима патриарху Никону на соловецкого архимандрита Илью. Дата в изданном документе не названа.[4] Но в 1658 г. Фирсов снова был в Соловецком монастыре, причем в чине соборного старца.[5]

Среди документов ЛОИИ удалось обнаружить указ патриарха Никона от 20 июля 1653 г. к игумену Николо-Корельского монастыря Павлу, в котором велено было соловецкого постриженника Герасима Фирсова держать под крепким началом "в черной службе в хлебне или в поварне", а из монастыря не отпускать.[6]

Возможно, ссылка Герасима была связана с внутримонастырскими распрями лета 1653 г., когда братия внезапно решила сменить настоятеля. По общему приговору на место архимандрита Ильи был избран соловецкий постриженник Никанор,[7] близкий друг Герасима Фирсова.[8] Никанор выехал в Москву, но там был поставлен не в соловецкие настоятели, а в архимандриты Саввина-Сторожевского монастыря в Звенигороде, находившегося под особым покровительством царя Алексея.[9] Сохранивший свой пост Илья мог рассчитаться с предполагаемым организатором дела - Фирсовым.

В 1652 - 1653 гг. Герасим в сочинениях расточал похвалы патриарху Никону, которого в Соловецкого монастыре не любили, видимо, рассчитывая на его поддержку /и в поставлении Никанора, и в распространении сочинений самого Герасима./ Однако в последующие годы Фирсов оказался во главе соловецкой оппозиции, выступившей против церковной реформы и вмешательства государства в монастырские дела /что, впрочем, не мешало Фирсову и в 1657 г. хлопотать через Никанора об официальном одобрении своих произведений/.[10] Именно Герасим Фирсов возглавил борьбу иноков против соловецкого архимандрита Варфоломея, проводившего промосковскую линию в обители /Варфоломей сменил умершего Илью в 1659 г./ В 1661 - 1663 гг. Герасим не участвовал в заседаниях малого собора монастыря, в состав которого формально входил.[11] В 1665 г. Фирсов был лишен звания соборного старца.[12] В 1666 г. Герасим вместе с соборным старцем Александром Стукаловым написали обширную челобитную, обращенную к царю, на архимандрита Варфоломея. В результате энергичной деятельности Герасима челобитная была подписана ря-

дом монахов и доставлена к царю.[13] В конечном счете она послужила главной причиной для смещения Варфоломея.[14]

В конце мая 1666 г. Герасим Фирсов по вызову поехал из монастыря в Москву на церковный собор, судивший старообрядцев.[15] 1 июля Фирсов предстал перед соборным судом. Он покаялся, принял церковную реформу, отказался от своих сочинений / в первую очередь от наиболее известного среди старообрядцев - "Послания к брату ... о сложении перстов десныя руки" - трактата в защиту двуперстия[16]/. Более того, Фирсов согласился на требование руководителей собора написать обличение на собственное произведение. При этом Герасим последовательно добивался своей цели: опорочить архимандрита Варфоломея в глазах властей. Для этого Фирсов объявил лояльного к правительству настоятеля главным виновником старообрядческих настроений соловецких монахов. /Это было заведомой ложью, опровергнуть которую достаточно трудно/. В подтверждение Герасим рассказал следующую историю: "В прошлом 173 году [1665 г. - О.Ч.], летом, в Исакьеве пустыне, [Герасим - О.Ч.] говорил архимариту Варфоломею, чтоб он велел служить по новым Служебникам, и архимарит де ему ничего не сказал, а Соловецкого монастыря келарь старец Саватей Урютин [Обрютин, сторонник архимандрита, - О.Ч.] и казначей старец Боголеп были с архимаритом в той де Исакове пустыне и на него, старца Герасима, келарь и казначей шумели, чтоб не говорил архимариту про новоисправные Служебники".[17] Варфоломей не смог опровергнуть это обвинение. Он сослался на то, что "не упомнит" этого,[18] а такой ответ был почти равнозначен признанию. В условиях, когда основная масса соловецких монахов единодушно высту-

пала против церковной реформы, когда обстановка в монастыре была крайне напряженной, Варфоломей и его сторонники не могли открыто поддержать новые Служебники, не рискуя своим положением. Возмущение братии резко поднялось бы. Герасим не мог не понимать этого, давая коварный совет. Сам Фирсов имел в монастыре достаточный авторитет сторонника традиционного обряда, чтобы его можно было обвинить публично в подобном предложении. Тем более что все свидетели были его личными неприятелями. На церковном соборе в Москве Герасим попытался использовать эту историю в своих целях.

Несмотря на покаяние, Герасим Фирсов 12 июля 1666 г. был осужден и сослан в Иосифо-Волоколамский монастырь.[19] /Большинство покаявшихся старообрядцев в 1666 - 1667 гг. не наказывалось вообще, так что для Фирсова было сделано исключение/. Уже 18 августа 1666 г. руководители собора запрашивали Герасима, пишет ли он самообличение. Они не очень поверили в искренность покаяния Фирсова, но, видимо, им показалось вполне вероятным, что он может опровергнуть свой трактат о двуперстии. На допросе в Иосифо-Волоколамском монастыре Фирсов сказал: "Я на прелесть [т.е. на свои сочинения - О.Ч.] никакова списания не списывал, а что писал о сложении перстов десныя руки, им же воображаем крестное знамение, и то я писал от божественнаго писания, и что ис которых книг взято, их же соборная и апостольская церковь приемлет, то в тех тетратех и помечено; а будет, неведением обносим, и от истины погрешил, и о том просил и ныне прошу у великого государя милости и священнаго собору прощения; а до сего времени писати мне было нечево и некогли, книг у меня с собою нет, - сослан я душею и телом, а

которые книги приличны к тому делу, и есть ли они в Иосифове монастыре, в монастырьской казне, или нет, того я не ведаю; а когда улучу великого государя милость и священнаго собору прощения, и от того я не отрицаюся; а соборные апостольския церкви чину и преданию и я ничего не отметаю, и хулы никакой не полагаю, и во всем повинуюся соборные апостольские церкви и всему священному собору."[20]

В сентябре 1667 г. Герасим Фирсов тяжело заболел. Иосифовский архимандрит спрашивал у московских властей, можно ли исповедовать и причащать Герасима и похоронить на территории монастыря. Вскоре последовал ответ: иосифовский архимандрит должен еще раз спросить Герасима, искренне ли тот покаялся и принял православие. Если Фирсов подтвердит отречение от старообрядчества, его можно причастить и похоронить в монастыре. Если же ответ царя будет получен в обители уже после смерти Герасима, иосифовский архимандрит, основываясь на поведении ссыльного старца, сам должен решить, где хоронить Фирсова.[21] Дождался ли Герасим этого распоряжения, неизвестно.

На протяжении всей жизни Герасима обвиняли в крайне недостойных действиях и привычках: пьянстве, драках /в том числе с поножовщиной/, неоднократном воровстве, подделке монет и т.д., и т.п.[22] Судя по всему, многие из этих обвинений были обоснованными. Герасим и сам не раз писал о том, что нельзя по его действиям оценивать достоинство его произведений. Он никогда даже не пытался оправдываться. Характер Фирсова соловецкие монахи определяли однозначно: "лукавство-то его прежь родилось".[23] В борьбе против архимандрита Варфоломея Герасим Фирсов, действительно, предпо-

читал составлять сложные "затеи". Он по возможности избегал прямых действий. Уклончивость проявлял Фирсов и во взаимоотношениях с товарищами /в процессе подготовки челобитной на Варфоломея/, и в условиях церковного суда. Но высокий авторитет Фирсова в Соловецком монастыре основывался - вопреки всем сложностям характера Герасима - на книжной учености, литературных способностях инока. Сочинения Герасима, даже его почерк /характерное "мелкое письмо"/ были хорошо известны в обители.

Герасим Фирсов прежде всего был писателем. Поэтому, с одной стороны, он выражал в своих сочинениях умонастроения той среды, к которой принадлежал в монастыре. С другой стороны, его сочинения оказывали влияние на читателей. Писатель выражает взгляды и представления своей среды уже самим способом изложения. Поэтому так важно начать с анализа литературных принципов Фирсова.

Средневековый писатель, приступая к созданию собственного произведения, всегда обращался к авторитетным сочинениям. Такой метод основывался на традиционных представлениях о писательской деятельности. Они отразились в ряде этикетных формул-сравнений. Д.М.Буланин называет несколько таких формул: писатель собирает лучшее из произведений предшественников и Писания как пчела облетает цветы, как пес кормится объедками хозяев, как нищий собирает подаяние, как зодчий накапливает строительные материалы или как садовник выращивает цветы.[24] Д.С.Лихачев приводит сравнение писательского труда с составлением букета цветов.[25]

Герасим Фирсов в своих сочинениях несколько раз обращается к теме писательского труда. У него можно найти

сравнения с пчелой, псом, собирателем цветов, а также с рабом в винограднике господина. Причем, Фирсов использует два возможных пути трактовки образа пчелы. Во-первых, он сравнивает с пчелой святого, монаха. В Похвальном слове митрополиту Филиппу Герасим сравнивает с пчелами сначала апостолов и святых вообще /с. 23 - 24/,[26] затем митрополита Филиппа /с. 23/, а также соловецких монахов, которые, прощаясь с мощами Филиппа, в последний раз припали к раке святого, облепив ее как пчелы /с. 50/. Во-вторых, Фирсов сравнивает с пчелой себя как писателя. Цветы писаний, говорит Герасим, по истине "рай другий многоцветен и благоюханен". Из цветов этих можно составить "духовнаго меда" /с. 26/.

Образ собирателя цветов, сплетающего из них "венец похваления" святому, можно найти там же - в Похвальном слове митрополиту Филиппу /с. 26/. В этом же сочинении Герасим сопоставляет себя с рабом, который ходит в "винограднике господина своего" и собирает там плоды /с. 26/. Что касается пса, подбирающего остатки еды господ, этот образ, восходящий к евангельскому тексту /Мтф. 15, 27; Мк.7, 28/, можно найти в другом сочинении Фирсова - Показании от божественных писаний. Герасим сообщает, что он "яко пес от крупиц падающих от духовныя трапезы господий моих богоносных отец и прочаго священнаго писания" составил Службу и Похвальное слово митрополиту Филиппу и Похвальное слово Иоанну Лествичнику /с. 110/.

Все эти традиционные этикетные формулы отражают реальный процесс писательской деятельности. Д.М.Буланин проанализировал сборники выписок из различных авторитет-

ных произведений, написанные рукой Максима Грека, протопопа Аввакума, выговских писателей. Важность этих сборников заключается в том, что древнерусские авторы-составители сборников цитат использовали эти выписки для создания собственных сочинений. Оформление таких сборников было первым шагом литературной работы. А.И.Плигузов, анализируя авторские сборники, созданные на Выге, пришел к выводу, что они фиксируют промежуточное звено в цепи создания оригинального сочинения: "от собирания - к более глубокому осмыслению, от комплекса выписок - к авторскому сочинению".[28] Причем, такие рукописи не осознавались как черновики в современном понимании. Они были своеобразными "сборниками в сборниках".[29]

В Соловецком монастыре к середине века сложилась устойчивая система работы с рукописными книгами. Одним из наиболее авторитетных книжников был в это время Сергий Шелонин, почерку которого подражали несколько писцов. Герасим Фирсов полностью усвоил манеру Сергия оформлять рукопись - он использовал те же знаки, оставлял такие же широкие поля, так же размещал текст, вставки и т.д.[30] Сергий и его последователи в монастыре - Геронтий, Герасим Фирсов - тщательно проверяли точность цитат в своих сочинениях, подробно указывали источники. Такая основательность опиралась на длительный подготовительный этап в работе. Сергий Шелонин предпринимал серьезные текстологические изыскания при изучении определенного типа книг: например, Патерика /Сергий переписал шесть типов книги, везде заменяя малопонятные слова и устаревшие грамматические формы, меняя порядок статей и деление на главы/, Космографии /ее

Шелонин последовательно расширил сведениями из Степенной книги, Хронографа, "Хождения" Трифона Коробейникова, а также данными о Соловецких островах/.[31]

Создавая обширное сочинение против церковной реформы 1652 г. - "Ответ вкратце Соловецкого монастыря" - Геронтий также проделал большую работу по составлению сборника, объединенного единой темой. Как и Сергий Шелонин, Геронтий предварил свой сборник оглавлением.[32]

Большое количество автографов Фирсова дает возможность посмотреть на его "творческую лабораторию". В нашем распоряжении не только окончательные тексты его сочинений, написанные рукой автора, но и составленные Герасимом сборники цитат. Конспекты находятся в рукописях: ГПБ, Солов. собр. 64/1430 /вся рукопись/, ГПБ, Солов. собр. 822/932 /вся рукопись/, ГПБ, Солов. собр. 901/1011 /л. 25 - 168 об./. Три собрания выписок построены по разным принципам.

Рукопись ГПБ,Солов. собр. 64/1430 - обширный сборник выписок из множества сочинений, объединенных одной темой - иноческой жизни. В сборнике есть выдержки из отцов церкви / Василия Великого, Григория Богослова/, других писателей /Кирилла Туровского, Петра Дамаскина/.

Рукопись ГПБ, Солов. собр. 822/932 - это выборка из Тактикона и Пандект Никона Черногорца. Выписки сделаны почти из всех глав. В итоге в фирсовский сборник вошло не менее половины текста Никона. Можно предположить, какая рукопись послужила основой для работы Герасима. Это единственный в Соловецком собрании полный текст Никона, совпадающий по формам слов, по самым мелким деталям с выписками Фирсова, - ГПБ, Солов. собр. 595/614.

Выписки в рукописи ГПБ, Солов. собр. 901/1011 не объединены ни одним автором, ни одной темой. Это три самостоятельные части. Первая - обширные выписки из Тактикона Никона Черногорца. Почти все, что здесь переписано, есть в сборнике ГПБ, Солов. собр. 822/932. Но в рукописи ГПБ, Солов. собр. 901/1011 выписки гораздо короче и меньше количеством. Они занимают л. 25 - 141 об. А сборник ГПБ, Солов. собр. 822/932, того же формата /4°/, состоит из 295 л.

Для древнерусского человека книга - это духовный авторитет, духовный руководитель. Этим объясняется тот факт, что многие из образованнейших "боголюбцев" отдавали предпочтение одной книге - средоточию всей мудрости. Для Ивана Неронова такой книгой был "Маргарит" Иоанна Златоуста, для справщика Печатного двора протопопа Михаила Рогова - Максим Грек.[33] Для Герасима Фирсова такой одной особой книгой были сочинения Никона Черногорца.

Вторая часть выписок в рукописи ГПБ, Солов. собр. 901/1011 - краткая выдержка из Дионисия Александрийского о монашеской жизни /л. 141 об. - 142 об./. Ее нет в специальном сборнике Фирсова об иноческой жизни - ГПБ, Солов. собр. 64/1430.

Третья часть /л. 147 - 168 об./ - выписки из сочинения иеромонаха Марка о праздниках.

Как писатель Герасим прошел путь от компиляции к самостоятельным сочинениям. Самые ранние из известных рукописей Фирсова - составленные им сборники. Герасим не переписывает ни одного сочинения целиком. Он выбирает только то, что его интересует. Герасим не просто выписывает какие-то главы, часто он приводит фрагменты из главы, иногда только

подробное заглавие. Он стремится не скопировать текст, а осмыслить его.

Первое сочинение Герасима - Похвальное слово Иоанну Лествичнику - Н.К.Никольский считал крайне несамостоятельным, компилятивным.[34] Все произведение сплетено из мельчайших фрагментов текста "Лествицы" и Священного Писания. Но это не случайная подборка фраз. Сочинение Фирсова строго организовано по композиции и смыслу. Оно повторяет форму "Лествицы", точно воспроизводя названия всех 30 степеней /по ошибке автора пропущена лишь степень 15 - "о сребролюбии"/. Но Фирсов так перестраивает текст, что все абстрактные монашеские добродетели предстают личными свойствами Иоанна Лествичника. В целом это сочинение - шаг от осмысленной тематической подборки цитат к композиции, связанной единым замыслом.

Три сочинения о митрополите Филиппе - Служба, Похвальное слово и краткое житие - самостоятельнее, хотя и в них много прямых и скрытых цитат. Такое постоянное цитирование /и с указанием на источники, и без ссылок/ - не индивидуальная особенность Фирсова. Это проявление средневековой традиции отношения к авторитетам. Особое почтение к высказываниям признанных писателей и богословов - необходимое следствие того факта, что христианство является "религией Писания". В этой системе ссылка на авторитет приравнивается к доказательству.

Два наиболее крупных сочинения Фирсова - Показание от божественных писаний и Трактат о двуперстии - отличаются от предыдущих. Оба сочинения написаны в жанре послания, но адреса у них разные. В Трактате о двуперстии форма по-

слания лишь прием - Герасим сам оговаривается, что его произведение обращено ко всем "верным", а не к безымянному "брату", упоминаемому в начале сочинения. В этих двух произведениях Фирсов излагает собственные мысли, строит системы доказательств, основанные не только на авторитетах, но и на логике. Это уже определенно самостоятельные авторские сочинения.

Последнее известное произведение Фирсова - челобитная на архимандрита Варфоломея - решительно отличается по стилю от других работ Герасима. Это определяется жанром: челобитная царю - это документ, а не литературное произведение. Фирсов искусно сплетает доводы и факты для обвинения настоятеля. Язык челобитной свободен и богат. Герасим даже использует поговорку: "Бог высоко, а царь далеко" /по утверждению Фирсова, так говорил Варфоломей/.

То, что сборники цитат служили Герасиму подготовительным материалом для создания собственных сочинений, становится очевидным, если сопоставить выписки с произведениями Фирсова.

В Похвальном слове Иоанну Лествичнику Герасим опирается только на Писание и саму "Лествицу", но тема иноческой жизни, христианской этики возникает не только в этом сочинении. Этому посвящен составленный Герасимом сборник выписок - ГПБ, Солов. собр. 64/1430. Интерес Герасима к этическим вопросам, к личности Иоанна Лествичника мог быть и не вполне самостоятельным. Тогда же - в 1640-х гг. к этим темам обращается Сергий Шелонин, подготовивший кавычную книгу для издания "Лествицы" Печатным двором. В XVI веке Иоанну Лествичнику посвящается на Соловках придел

главного Спасо-Преображенского собора.[35]

Интерес Герасима к сочинению иеромонаха Марка о праздниках понятен, если обратиться к Показанию от божественных писаний. Герасим утверждал, что вопрос об апостольских праздниках в русской церковной службе до конца не выяснен. Он сообщал архимандриту Никанору, что читал книги, посвященные этой проблеме /с. 115 - 116/. Видимо, выписки из произведения Марка относятся к периоду подготовки Фирсовым Показания от божественных писаний.

Очень часто в сочинениях Фирсова встречаются цитаты из сочинений Никона Черногорца, совпадающие с выписками в рукописях ГПБ, Солов. собр. 901/1011 и ГПБ, Солов. собр. 822/932. Например, можно сравнить места:

Показание:	Выписки /Солов. 901/1011/:
л. 129 об.	л. 68 об. - 69
л. 133, 135	л. 33 об.
л. 134	л. 34
л. 135	л. 34 об.
л. 136	л. 65 об.

Используя в своем сочинении какую-либо цитату, Герасим Фирсов обычно менял ее стиль. Можно привести яркий пример. В рукописи ГПБ, Солов. собр. 822/932 /л. 41/ есть отрывок из Никона Черногорца, переписанный дословно. В Трактате о двуперстии - ГПБ, Солов. собр. 901-1011 /л. 169/ - тот же текст принимает другой вид:

Солов. 822/932, л. 41	Солов. 901/1011, л. 169
мнози есмы глаголящеи, мало же творящеи. Но убо слово Божие никто же должен есть	мнози, рече, глаголющии, творящии же мали, но никто же должен есть своего рал[illegible]

таити своея ради лености. Но исповедати убо свою немощь, не скрывати же Божия истины.

нерадения слово Божие таити, но исповедовати убо всем свою немощь, Божия же истинны не скрывати.

Заменив слово "лености" на "нерадения", вставив "всем" и полностью переменив порядок слов, Герасим из простого повествовательного отрывка делает текст, хорошо организованный по ритму. Но когда в Трактате о двуперстии Фирсов ставит своей задачей приведение точных свидетельств, он сохраняет стиль и лексику цитат, вплоть до нерусских слов в отрывке из виленского издания.[36]

Фирсов свободно обращается со знакомыми цитатами, перекраивая их и используя в своих целях, как если бы он применял не цитаты, а отдельные слова. Например, из текста послания Максима Грека Ф.И.Карпову Герасим берет отдельные фразы и употребляет их как готовые клише:

Максим Грек:	Трактат о двуперстии:
В коей убо вышеестественней силе разума высокаго и непостижительнаго достоинства утверждаеми, во глубину ту неуразумеваемую и неиспытанную божественнаго сокровения ...вовреши себе не устрашимся?..	...в коей вышеестественней силе разума высокаго и непостижителнаго достоинства утвержаеми суть... /с.88/ ... в сию неуразумеваемую и неиспытанную божественнаго сокровения глубину воврещи себе не устрашаешися, и инех призывая к таковой пропасти... /с. 86/
Не довлеет ли тебе, о человече, соблюдати искушенная от	Не довлеет ли нам, о человече, соблюдати искушенная

толиких святых мужей и времен благоприятных и свою немощь познати.[37]	от толиких святых мужей и времен благоприятных и свою познати немощь... /с. 88/

Таким образом, хотя Герасим, как всякий древнерусский писатель, опирался на сочинения предшественников, на авторитеты, цитаты не выглядели инородными в его произведениях. Все сочинения Фирсова отличаются единством стиля, языка, художественных особенностей. В.В.Виноградов отметил, что Фирсов писал в традиционном древнерусском стиле "плетения словес".[38] Этот сложный, изысканный стиль, имеющий древние корни, в ХУП в. почти не употреблялся. "Плетение словес" основано на внимательном отношении к слову: к его звуковой стороне /аллитерации, ассонансы/, к этимологии слова /сочетания однокоренных слов, этимологически одинаковые окончания/, к тонкостям его семантики /сочетания синонимические, тавтологические и т.п./, на любви к словесным новообразованиям, составным словам, калькам с греческого и пр.[39] Одной из заметных, хотя и необязательных, черт "плетения словес" является ритмическая организация текста - приближение ритма прозы к стихотворному.[40]

Герасим Фирсов осознанно применяет все приемы этого стиля. В Похвальном слове митрополиту Филиппу есть прямая декларация: процесс создания своих сочинений Фирсов называет плетением венца из слов /с. 26/. В Древней Руси глаголы "плести", "сплетати", "ткати", которые относятся к ткацкому ремеслу, в переносном значении указывали на искусство слова. Смысл этого объяснил ученый писатель ХУП в. Евфимий Чудовский. В статье "О еже песни ткати" он уподобил поэзию "краеодеждно полагаемым ряснам златоупещренным", то есть ши-

той золотом оторочке. "Слова в поэтическом тексте нанизываются на одну нить, как жемчужные зерна в ожерелье, чередуются как сходные мотивы орнамента".[41] И это не просто стилистика, а один из основных мировоззренческих принципов средневековья. По мнению древнерусских авторов, словесная ткань, культура непрерывна. Она постоянно наращивается новыми поколениями, но движется в одном направлении, не переходя во что-то новое. Это основа системы литературного этикета.[42]

Традиционализм Герасима Фирсова выражается главным образом в его твердом следовании устоявшимся формам литературного языка, стилистическим канонам. Ритм текста - единый для цитат и для собственных предложений автора - одна из самых заметных черт стиля. Собственный текст Фирсова можно читать как стих. Например:

Смотрив бо обрящеши его не любоживотна
и не боящася напастей,
егда потреба бе,
но и дерза,
и обличителна,
и любоистинна зело. / с. 167/

Часто Герасим использует повторы однокоренных слов, чтобы подчеркнуть смысл отрывка. Так, говоря о Максиме Греке, Фирсов повторяет корень "благ" в разных вариантах 11 раз /с. 165/. На полустранице Похвального слова митрополиту Филиппу Герасим 13 раз повторяет часть "смирен" /в словах: смиреномудрие, смирение, смиреннословие, смирятися, смирен - с. 30/. Многократные повторы однокоренных слов или слов с ассонансами - не случайный орнамент. Повто-

ряются и сочетаются слова, основные по смыслу. Повторяемое слово может подчеркивать лишь одно из качеств, но всегда самое важное.[43] Так, говоря о соотношении Отца, Сына и Святого Духа Герасим восемь раз в одном предложении повторяет слово "отрасль" и глаголы с корнем "раст": "Отрасли и цветы Сына и Духа от Отеческаго корене возрастших обоих именующа: отрасль Сын, отрасль и Дух Святый. И не рече отрасль и цвет единьственне, но отрасли и цветы множественне; да покажет, яко не растут друг от друга, но от единого Отца, якоже от корени обоя равночестно растуща" /с. 173/. Есть в сочинениях Фирсова и просто повтор, созвучие слов: "всех благих дателю Богу благодать", "травнии страннолюбца и братолюбца братия" /с. 29/, "бес правды за правду изгнания" /с. 56/ и т.д.

Сравнения, которые применяет Фирсов, предельно лишены конкретности, это только традиционные формулы: святой - "светильник" /с. 25, 46/, Бог - "существенное солнце" - в отличие от "чувстьвенаго солнца" /с. 21/, христианское учение сопоставляется с оружием /с. 128/ и т.д.[44]

Описания действий, как правило, нанизываются в порядке их совершания короткими и длинными цепочками глаголов. Чтобы подчеркнуть перечисления, Герасим часто пользуется единоначатиями /"послушати и покарятися ... отвращатися и отбегати", "любоживотна ... любоистинна" и т.п./, которые подчеркивают, выделяют сравнения /сопоставления - противопоставления/. Почти повсеместно существительные, эпитеты удваиваются, даже там, где такая пара слов не несет особой смысловой нагрузки. Представления о симметрии, двойственности всего сущего определяют логику писателя, когда он

удваивает слова. Это отражает принципиальную черту средневекового сознания - дуализм, "резко расчленяющий мир на полярные пары противоположностей".[45] Парность, симметрия - не просто стилистический прием, а выражение мировоззренческой установки: противопоставление двух начал в мире.

Нередки у Фирсова сложные составные слова: благовещательный, благодерзость, зверогубительный, паучнославный, светлодароносимый, молниялучный и т.д. В соответствии с установками стиля "плетения словес" Герасим тяготеет к усложненной, возвышенной лексике, построению длинных и сложных по конструкции предложений.

Структурные особенности произведений Фирсова находятся в зависимости и от конкретных идеологических задач его сочинений, и от традиций древнерусской литературы. Но сам выбор традиционных форм не случаен. И "плетение словес", и композиция сочинений служат выявлению главной идеи.

Структура произведений всегда продумана. Служба митрополиту Филиппу построена как азбучное сочинение. Причем, в композиции есть несколько отступлений от алфавитного ряда. Он разрывается дважды: между буквами "s" и "з" и между "т" и "у" - по два "ѣа". Вступление и заключение Службы выходят за рамки основного ряда. Вступление построено по буквам: н-н д-д-д-д ѣа-ѣа-ѣа-ѣа г-г-г р-р-р ѣа-ѣа б-б у-у; заключение: о с-с п-п-п. Буквы выделены в тексте, рядом с началом отрывка на новую букву на поле вынесена киноварная литера. Азбучное строение Службы - прием, требующий большого внимания и кропотливой работы автора. Герасим тщательно выправил текст сочинения. Сначала он пропустил абзац на букву "м", при доработке Службы он вписал на поле

предложение, начинающееся с этой буквы.

Житие митрополита Филиппа, написанное Герасимом Фирсовым, это краткая проложная редакция жития, существовавшего ранее. Структура сочинения традиционна. Это повтор прежней редакции, лишь в конце прибавлены сведения о перенесении мощей Филиппа в 1646 и 1652 гг.

Из трех произведений о митрополите Филиппе наибольший интерес представляет Похвальное слово. Агиографические произведения стремились запечатлеть не определенного святого, а идеал святости, образ условный.[46] Воплощение предельной святости для средневекового человека - образ Христа. Из этого исходит Фирсов в Похвальном слове: от восхваления Бога к похвале святым вообще и Филиппу в частности. Это содержание первой половины вступления.

Вторая часть сочинения продолжает вступление. Она посвящена самооправданию Фирсова. Он объясняет причины, побудившие его взяться за написание Похвального слова. Эта часть "преддверия" наполнена различными вариантами уничижительных формул. При этом Герасим доказывает, что написать похвалу святому - не право, а обязанность, а потому читать ее надо "не приносимых худости смотряя, но предложения изящество приемля" /с. 27/. Такое объяснение не отражает личную позицию Герасима, а относится к числу традиционных формул.[47]

После этого Фирсов приступает к основной части сочинения. Здесь можно выделить три ясно различимых раздела: общая похвала Филиппу и его добродетелям; рассказ о подвиге Филиппа и его борьбе с дьяволом; о посмертной славе Филиппа и перенесениях его мощей. Центр всего рассказа -

описание борьбы с дьяволом. Фирсов сопоставляет митрополита с "неколебимым каменем", о который разбиваются все попытки дьявола установить свою власть. Именно в этом плане Герасим трактует реальное историческое столкновение митрополита Филиппа Колычева с царем Иваном 1У по поводу опричнины. Рассказ о посмертной славе Филиппа и перенесениях его мощей служит подтверждением правоты митрополита и освящением его позиции в отношении царской и святительсткой власти, изложенной в центральной части слова.

Заключение слова - краткий рефрен вступления: Герасим восхваляет Филиппа - и еще раз объясняет, почему написал сочинение. Таким образом, Похвальное слово построено по кольцевой композиции.

Все три сочинения о Филиппе составляют единый богослужебный цикл. Они были рассчитаны на произнесение в церкви. Этой задачей определяются художественные особенности данных произведений: обилие восклицаний, риторических формул, предельная изощренность стиля, гармоничность и стройность композиции. Цель агиографии - "в установлении определенной эмоционально-нравственной атмосферы, особого "православного" мирочувствования".[48] Стереотип - не признак бездарности автора, а художественный принцип. Стереотип помогал читателю и слушателю сразу узнавать привычные мотивы и темы, понимать, какое настроение необходимо. "Это искусство обряда, а не игры".[49]

Показание от божественных писаний - наиболее свободное по форме сочинение Герасима, так как это частное послание к другу Фирсова - архимандриту Саввина-Сторожевского монастыря Никанору. Послание начинается с обширного заго-

ловка, в котором перечисляются все темы сочинения. Подобные пространные названия в древнерусских произведениях применялись нередко. Они должны были подготовить читателя к восприятию в рамках знакомого.[50] Герасим обращается к Никанору, человеку близкому к царю и патриарху, с просьбой представить его сочинения о Филиппе и Иоанне Лествичнике на суд церковных иерархов - для официального одобрения и распространения. Кроме того, Фирсов излагает Никанору свои соображения по различным догматическим и обрядовым вопросам: о слепой и сознательной вере, о церкви и отношении к отеческому преданию, об истинном пастыре, о церковном чине. В конце послания Герасим повторяет еще раз главные тезисы. Это сочинение, также, как и Похвальное слово митрополиту Филиппу, выстроено по кольцевой композиции: представление главных тем - их раскрытие - обобщенное упоминание всех главных тем.

Трактат о двуперстии - самое крупное произведение Герасима. Это публицистическое сочинение, написанное в жанре послания, обращенного к неизвестному "брату", но и к широкой аудитории "верных". Такая форма позволяет прибегать к риторическим оборотам. Непосредственное обращение к читателю создает особое настроение: оно помогает в решении главной задачи - убедить читателя в том, что двуперстие является единственно правильной формой перстосложения для крестного знамения и благословения.

Трактат состоит из четырех частей: введение, две основные части и заключение. Первая основная часть - это авторитетные свидетельства в пользу двуперстия, вторая - полемика с книгой "Скрижаль" /М., 1656/ в форме анализа

догматических положений и их соотнесения с обрядом перстосложения - и двуперстия, и трехперстия. Две основные части характеризуются принципиально разным подходом к теме. В первом случае Герасим опирается исключительно на авторитеты. Он нанизывает цепь свидетельств в хронологическом порядке. Это как бы подтверждает древность и стабильность обычая двуперстия. Собственные рассуждения Фирсова в этой части посвящены только доказательству истинности свидетельства, блаженности - то есть авторитетности - его автора /это относится к Феодориту и Максиму Греку/.

Вторая часть - полемическая. Здесь Герасим опирается не столько на авторитеты, сколько на собственный анализ догматических положений. Он провозглашает: надо принять ту форму перстосложения, которая напоминает верующему верные догматы. Само по себе перстосложение не священно, но особой сакральной силой обладает его значение. Разбирая три отрывка из "Скрижали" /л. 801, 804 и 806/, Герасим доказывает, что только двуперстие убережет от ереси. Но Фирсов не ограничивается утверждением двуперстия, ему важно опровергнуть трехперстие. Поэтому он подробно соотносит его с осужденными ересями: несторианством, монофизитством, монофелитством, аполлинариевой ересью. Затем Фирсов обращается к вопросу о силе и пределах соборного проклятия. Проклятие впавших в ересь глав церкви не действует, - заявляет он. Этим Герасим защищает позиции старообрядцев в условиях, когда патриарх проклял всех, крестящихся двуперстием. Такое отлучение, по Фирсову, наносит вред лишь самим отлучающим, а не старообрядцам.

Весь трактат связан четкой кольцевой композицией. Введение состоит из цитат, объединенных одной мыслью: необходимо самостоятельно испытывать книги и слова учителей, сверять их с Писанием. Тот, кто не делает этого, может по неведению пойти за ложным учением. Но неведение не освобождает от греха, от кары. Завершается введение цитатой из Первого послания апостола Павла солунянам: "вся искушающе, доброе держите" / 5, 21/. В заключении Фирсов просит испытать его собственное сочинение и держаться лучшего в нем. И Герасим повторяет ту же цитату. Таким образом, Фирсов говорит об испытании книг вообще, испытывает их сам и просит испытать его собственное сочинение.

Кольцевая композиция характерна и для построения отдельных частей трактата. По этому принципу, например, строится критика одного из фрагментов "Скрижали" /л. 804/: Герасим сначала приводит обвинение старообрядцев в несторианстве, а в финале, доказав еретичность самих глав церкви, спрашивает – так кто же впадает в несторианство и другие ереси?

Сходство в строении целого сочинения и его главы – это следствие основного мировоззренческого принципа средневековья: цельности, представления о единстве вечного и временного, макрокосма и микрокосма, целого и его частей.[51]

Кроме прямой кольцевой композиции Фирсов применяет и другой близкий к этому прием – повторение какого-то момента в разных местах трактата. Это подчеркивает общность разных элементов одной проблемы, которые значительно удалены друг от друга в тексте. Обличив именословное перстосложение для благословения, Фирсов ему противопоставляет свою трак-

товку обещания Бога Аврааму - "о семени твоем благословятся вси языцы земстии" /Быт. 13, 15/. В конце трактата, обличив трехперстие, Герасим и ему противопоставляет комментарий к той же библейской цитате. Этим Герасим соединяет и пятиперстное благословение, и трехперстное крестное знамение, противополагая их истинному и единственному, с его точки зрения, двуперстному крестному знамению и благословению.

Самое позднее сочинение Фирсова - челобитная на архимандрита Варфоломея - не литературное произведение. Поэтому она написана в простом деловом стиле. Не менее кропотливо, чем он сплетает похвалы святым или догматические доводы, авторитетные свидетельства и цитаты, традиционные литературные образы, Герасим собирает и обвинения на архимандрита. Убедительность должна была поддерживаться не только содержанием обвинений, но и тем, как они поданы. Фирсов многократно подчеркивал объективность и беспристрастность своего взгляда, заботу о благе государства и царя.

Герасим Фирсов оставил довольно богатое литературное наследство. Здесь сочинения разных жанров: и богослужебные произведения, и частное послание, и богословский полемический трактат, и политический извет. Знакомство с наследием Герасима Фирсова позволяет говорить о нем как о человеке высокообразованном, причастном к вершинам древнерусской культуры. Герасим далеко не новатор в литературе. Он вписывается в общую линию развития. В его творчестве древнерусские художественные традиции достигают концентрированной, утонченной, изысканной формы. То, что Герасим работал

в наиболее традиционных формах - не признак косности или бездарности. Для Фирсова традиция - живой материал, адекватное средство выражения. То, как он использует древние принципы свидетельствует о немалом литературном таланте и вкусе писателя.

Смысл произведений Герасима часто не лежит на поверхности, прячется за витиеватой фразой, скрывается за уклончивой манерой выражать мысль. В силу этого понять политические или богословские взгляды Герасима Фирсова - задача непростая. Круг его интересов широк: это вопросы церковного устройства, взаимоотношений с царской властью, и многое другое. Фирсов не излагал свои взгляды в системе. Поэтому его концепции могут быть только результатом реконструкции, основанной на комплексе его сочинений. Воззрения Герасима послужили основанием, исходным материалом для политических и догматических идей, развивавшихся в Соловецком монастыре в годы восстания 1667 - 1676 гг.

Наиболее остро политической темой был вопрос о соотношении царской и святительской власти, о том, каким должен быть царь. Идеальный образ правителя Герасим провозглашает в Похвальном слове митрополиту Филиппу. Это само по себе знаменательно: Филипп Колычев - человек, невинно пострадавший от несправедливости и жестокости царской власти. Концепция идеального правителя дается Фирсовым на фоне отрицательного примера. Такой подход усиливает политическую остроту и без того сложного вопроса. В литературе давно отмечен интерес идеологов и публицистов ХУП в. к личности митрополита Филиппа.[52] Его конфликт с царем Иваном 1У оказался важным историческим аргументом в споре о соотношении

священства и царства, разгоревшемся в России в середине XVII в. К личности Филиппа обращались и Никон, и его противники. При этом разные общественные слои вкладывали различное , подчас противоположное, понимание в образ нового святого.[53] На Соловках культ митрополита Филиппа закономерно занял большое место: ведь Филипп был соловецким постриженником и игуменом, много сделавшим для обогащения и процветания обители. Помимо сочинений Герасима Фирсова на Соловках в 1651 г. было создано еще одно произведение о митрополите Филиппе – новая, сильно измененная и расширенная редакция жития. Ее автором был авторитетный соловецкий книжник старшего поколения Сергий Шелонин.[54]

Центр Похвального слова, написанного Герасимом Фирсовым, – диалог Филиппа и царя в Успенском соборе московского Кремля. Причем трем монологам митрополита противостоит авторское описание реакции царя. Кроме оппозиции святого – царя-гонителя в Похвальном слове есть еще один контраст: дурной царь Иван Васильевич и добрый царь Алексей Михайлович. В чем же видит Фирсов заслугу Филиппа? Какие требования предъявляет царю?

Главные качества, необходимые правителю, – это мудрость, православие, "человеколюбие и милость". Фирсов утверждает, что долг царя быть нравственным примером для подданных. В царе должно сочетаться внешнее благочиние и внутреннее благочестие, так как он в ответе за нравственное состояние вверенного ему государства. "Вси убо к твоему житию, яко к некоему образу, взирают, и вся творимая тобой во устав себе вменяют" /с. 39/. Поэтому так вреден любой – даже телесный – грех царя. Он должен иметь "устроение" ли-

ца, умеренное слово, должен правильно и"честно" одеваться. Не всем доступно понимание душевных свойств. Многие смотрят на пример царя именно во внешнем плане. Но, все-таки, главным украшением царя должны быть драгоценности добродетелей. Цель правителя – процветание державы; ей должны быть подчинены все его действия. Для этого надо опираться на единство правящих слоев, уметь примирять "ратников", так как страна процветает только в согласии правящих. Самое страшное – "разделение" в государстве, "понеже во общем разделении и смущении томительство и мятеж" /с. 38/. Но как уберечь страну от смут? Для этого царь должен быть милостивым, думать о пользе подвластного ему народа. Даже на согрешившего нельзя обрушиваться с яростью, так как "слепа есть страсть ярость: не может от горшаго лучьшее разсудити" /с. 38/. Надо быть быстрым в награждении достойных и медлительным в наказании повинных. Милость может пробудить разум в согрешивших. А кроме того, даже мужество и храбрость в ратных победах не так располагают к повелителю, как человеколюбие и милость. Только тогда царь будет страшен согрешающим и "не тяжек послушным", "грозен ратником, любезен же подвластным всем же"/с. 39 – 40/. Тогда держава будет могущественной и процветающей. Самое опасное для страны, когда царь веселится "убивьственными кровми соплеменных" и "яко воду неповинных крови" проливает /с. 43/.

Но для того, чтобы царь не отступил от истинного пути в управлении государством, он должен слушать советы иерея, первосвященника. Он под руководством церкви должен соблюдать христианские законы и обычаи. Первосвященник мо-

жет и должен высказывать царю мнение по поводу государственных действий. Только послушный церкви царь может рассчитывать на спасение, на милость Бога. Земной царь должен быть подобен небесному царю – Христу – в милости.

Учение об ограничении царской власти законом божиим восходит к Евангелию.[55] Поэтому такая мысль вполне естественна для древнерусского писателя. Эту концепцию развивали и отцы церкви: Афанасий Великий, Иоанн Златоуст,[56] которых Фирсов часто цитирует. Герасим придает этому учению достаточную степень остроты, резко критикуя Ивана 1У и фактически отстаивая право церкви на роль внутренней оппозиции в случае деспотического правления.

Поведение двух реальных правителей – Ивана 1У и Алексея – Фирсов ставит в широкий контекст истории России. Некогда в России владычествовал дьявол. Собственно исторический период, по Фирсову, начинается с крещения Руси Владимиром и сокрушения идолов. По мере укрепления и возвышения истинной веры в России "лукавый враг и ратник" ополчался на нее. Он особенно яростно борется там, где не имеет силы. В России дьяволу удалось овладеть царем Иваном 1У, который стал "наветником державе своей и ратником" /с. 36 – 37/. Проявление этого Герасим видел не только в несправедливости и жестокости царя, но и в его "нелепотной", не по чину выбранной одежде /с. 37/. Может быть, Фирсов имел в виду то, что Иван 1У и опричники надевали монашескую одежду. На пути одержимого дьяволом царя встал Филипп непоколебимым камнем. В этой его решительности и последовательности Фирсов видел главную заслугу. Как определяющее качество Филиппа Герасим называет свободу, которую нельзя отнять

/с. 45/. Выражение этой свободы - равнодушие к земным благам и карам во имя славы божией, во имя истины. Подтверждением высокого значения этой свободы Герасим считал посмертную славу Филиппа, его возвращение в Москву к пастве, от которой его отсекли "яко в дубраве древяне секирами, льстивными языки" /с. 48/. Никогда не забывается то, что сделано, - заявляет Фирсов, ссылаясь на Евангелие /"град вверху горы стоя, укрытися не может" - Мтф. 5, 14 - 15/ и на "первого от внешних" Платона /с. 46/.

Затем Герасим обращается к другой реальной исторической ситуации - началу правления Алексея Михайловича. Это время Фирсов приводит в качестве положительного примера отношений царя и церкви. Благочестивый царь слушает советы патриарха Иосифа о почитании мощей митрополита Филиппа. Он испрашивает благословения патриарха на достойное дело - перенесение ковчега с мощами святого в Успенский собор московского Кремля. Он выражает смирение перед покойным митрополитом и "преклоняет" перед ним "честь царьствия" /с. 48 - 51/. Это означает, что царь Алексей признает духовное наставничество церкви, ее приоритет перед светской властью. Похвалы Фирсова заключают в себе возможность оппозиции. В лице Ивана 1У митрополит Филипп сражался с дьяволом. Поэтому соловецкие иноки, провозглашающие в Похвальном слове митрополита своим вождем и наставником в борьбе с дьяволом и бесами, заявляют тем самым о готовности и праве быть блюстителями благочестия в стране и, в частности, царского православия. Значит, если царь Алексей, подобно царю Ивану, окажется недостаточно благочестивым, нарушит истинную веру и не послушается тех, кто выступит против его

погрешений, он мгновенно из царя, послушного церкви и Святому Духу, превратится в орудие князя тьмы.

Фирсов не просто говорит о разделении властей. Он утверждает право духовной власти, церкви, вмешиваться в светские дела и учить правителя. Святителю Герасим вручает право контроля. Но что такое церковь в понимании Герасима?

В Показании от божественных писаний Фирсов декларирует: "соборную же церковь егда реку, не стены глаголю, но истинная веления и уставы благочестия" /с. 129 - 130/. Кроме того, по мнению Фирсова, в церковь входят благочестивые архиереи и священники. Все верующие - тоже члены церкви /с. 130 - 131/. В трактовке понятия соборной апостольской церкви Фирсов не выходит за традиционные рамки, выделяя две основы церковной организации: систему вероучения и культа - и структуру иерархии и верующих.

Что говорит Герасим о вероучении и культе? Фирсов глубоко убежден, что догматическая система незыблема. Апостольское и отеческое учение о вере не может быть противоречивым, так как всех их озарял один Святой Дух. Это учение было утверждено на вселенских соборах. Любое изменение или дополнение основной базы христианства, сложившейся в период вселенских соборов, может только нарушить ее. По мнению Фирсова, все отступления происходят по человеческой воле - из-за забвения божественного писания или - что гораздо хуже - из-за "преобидения". Проверить религиозное сочинение с точки зрения его истинности, по мнению Герасима, несложно: надо лишь сравнить данное сочинение с установлениями соборов, так как все ереси уже осуждены и прокляты. У человека поэтому может быть лишь самый простой выбор: ли-

бо еретик возвращается к православному учению, либо православный отступает к ереси. Всю эту конструкцию Герасим выстроил в Показании от божественных писаний /с.124 - 129/.

Фирсов безусловно признает иерархический принцип организации церкви. Он утверждает всеобщность данного принципа, опираясь на Дионисия Ареопагита /с. 130/. Псевдо-Дионисий Ареопагит представлял мир как иерархически организованное целое. Идея иерархии требовала беспрекословного подчинения низших ступеней высшим.[57] Из этого Фирсов делает вывод о необходимости учиться у глав церкви /с. 130/.

Как представлял он себе учителя? Какие обязанности и права вручал церковному пастырю?

В отношении правителя обязанность первосвященника, пастыря говорить правду, не боясь гнева и не поддаваясь на подкуп. Он должен говорить не "сладостное и угодное", но только "истинное". Лгущие пастыри - это наемники, которые ради своих телесных нужд предают Бога, потворствуя дурным царским желаниям, стремлению правителя к безграничной земной власти и славе. /с. 42/.

Что касается роли пастыря в отношении к рядовым членам церкви, свою точку зрения на этот вопрос Герасим изложил в Показании от божественных писаний в форме совета и похвалы "доброму пастырю" - Никанору.

Главное качество учителя, о котором Герасим говорит очень много, - разум, премудрость. Проявляется оно и в умении убеждать, и в постоянном внимании к "пасомым", и в обмане. Причем последнее, по мнению Фирсова, требует особого ума, осторожности, искусства. У Герасима нет сомнений в нравственности этого метода. Он ссылается в оправдание

на врачей. "Некогда некто" впал "во огницу" и не желал принимать того, что могло ему помочь. У всех он просил неразбавленного вина. Врач взял сосуд, окунул его в вино и наполнил водой. Затем он велел занавесить комнату, где лежал больной - и дал ему пить. Тот накинулся на кувшин, считая, что там вино, напился воды и ему стало легче. Если можно прибегать к обману для лечения тела, то тем более можно делать это для исправления души, - заключает Фирсов /с. 133 - 134/. В подтверждение он приводит пример апостола Павла, который якобы применял обман для "исцеления" иудеев. Такая ложь, - утверждает Герасим, - не "прельщение", а "строение", премудрость, искусство. Но использовать обман надо очень умело. То, что лечит одного, убивает другого. И больше того, одно и то же средство в один момент вылечит человека, а в другое время повредит ему же /с. 134 - 135/. Такая позиция близка к иезуитской системе: "цель оправдывает средства", "главное победить врага, неважно как".[58]

Другое качество, необходимое христианскому пастырю, - любовь /с. 136/. Но этому Герасим уделяет гораздо меньше внимания, чем предыдущему. Нравственный пример отвержения земных благ для Фирсова менее важен, чем учение словом. Проповедь, наставление он явно считает главным средством воздействия. Эта позиция Фирсова резко отличается от традиционных взглядов представителей демократических движений. Основной тезис сторонников демократического протеста, в том числе и в старообрядчестве, - критика официального духовенства с позиций раннего христианства: требования праведной жизни, нравственной чистоты и т.д. Так, для протопопа Аввакума "житие", "вера" и "образ" человека были не-

разделимы. Он считал главным условием "истинности" проповеди не "чудеса" проповедника, не "многоречие красных слов", а соответствие жизни и учения.[59] По мысли Фирсова, кто бы ни был автор, если в его сочинении найдены догматические погрешности, ни аскетизм, ни праведная жизнь не являются критерием истинности. И, напротив, может быть пастырем и учителем человек далеко не праведной жизни /с. 135 - 136/. При этом Герасим подчеркивает, что разговоры о недостаточной праведности пастыря - например, Никанора - вообще не следует слушать, так как "многих мнение паче истинны не подобает предпочести" /с. 132/. Такие взгляды удобны с точки зрения верхушки церковной иерархии, не склонно изнурять себя излишней святостью. На такие идеи можно опираться, защищаясь от критики с позиций раннего христианства. А составление доказательств догматических погрешностей у идеологов демократических движений для церковных иерархов дело привычное.

На каких основаниях Герасим отвергает праведное поведение как критерий истинности учения? Любой человек слаб. Он может грешить в поведении, "оступаться". Но божественные писания, - замечает Фирсов, - "глаголют... , а не творят" /с. 112/. Значит, с писанием можно сопоставлять только слова, а не поступки. Если грешный человек пишет сочинения, не противоречащие божественному писанию, их нельзя отвергать, ссылаясь на недостойную жизнь автора. Для славы Бога Святой Дух дает слово и грешным язычникам, и животным. В качестве иллюстрации Герасим приводит несколько примеров из Ветхого и Нового Заветов. Фараон /возможно - Быт. 40, 1 - 7, 38: Бог послал фараону сон, который смог

протолковать только Иосиф; пораженный фараон восславил Бога Иосифа/; Навуходоносор /либо сюжет с толкованием Даниилом сна Навуходоносора о гиганте на глиняных ногах - Дан. 2, 31 - 35 и 46 - 47; либо сюжет о трех отроках в "пещи огненной" - Дан. 3, 95 - 100; в обоих случаях Навуходоносор восславлял иудейского бога/; волы и ослица Валаама /с.111/. Сюжет с волами связан с рождением Христа, но в евангелиях нет ничего об этом. Видимо, Герасим ссылается на какой-то апокриф. История с ослицей Валаама известна: в Книге Чисел рассказывается, как ослица волхва Валаама увидела ангела, преграждающего дорогу. Она не хотела идти дальше, но Валаам заставлял ее. Тогда Бог дал ослице голос, чтобы она открыла Валааму глаза на происходящее /Чис. 22, 22 - 31/. Кроме того, этот сюжет Герасим мог знать и по апокрифу о Валааме, который был в соловецкой библиотеке.[60]

Но если нравственное поведение для Фирсова не является критерием истинности учения, то что же для него показатель "доброго пастыря"? Главное для учителя, с точки зрения Герасима, умение убедить. Он утверждает: надо обличать, умолять, убеждать, но "не бить" /с. 125. Фирсов ссылается в подтверждение на Федора Студита/. По апостольскому правилу, епископ, священник или дьякон, бьющий верных и неверных, извергается из сана, - заявляет Фирсов. И, сказав это, замечает: ныне применение силы в вопросах веры считается уже не грехом, а добродетелью и заслугой /с. 126/. В вопросе о применении силы Фирсов стоит на вполне определенных позициях. Главным путем воздействия пастыря на рядовых верующих Герасим считает идеологическую обработку,

психологические средства. Для существования иерархии нужен не мертвый враг, а преданный слуга, поэтому надо не убить, а убедить.

Но для того, чтобы воздействовать словом, надо владеть "словесным учением". Герасим приводит в подтверждение слова Иоанна Лествичника о том, что блажен не тот, кто приносит Богу имение, а тот, кто приносит "овец словесных" /с. 135/. Таким образом, Герасим выходит на проблему "внешней мудрости". В середине ХУП в. эта проблема оказалась одним из предметов спора традиционалистов, старообрядцев - и лидеров официальной церкви. В этом споре четко выразились социальные установки его участников.

Власти, главы церкви занимали позиции "идеологического аристократизма". Собор 1666 - 1667 гг. официально заявил, что "вопросы веры составляют привилегию людей избранных", так как "невежды" могут потонуть в богословских глубинах. Эту идею развивал Симеон Полоцкий в "Слове о писании божественном", в "Жезле правления".[61] В невежестве и фанатизме обвинял старообрядцев и Юрий Крижанич.[62]

Старообрядцы противопоставляли официальным взглядам традиционную средневековую идею "неуков" как единственно достойных христиан. Особенно определенно на такой позиции настаивал Аввакум. Он обратился к христианской легенде о том, как израильские первосвященники обвиняли апостола Павла "яко человека некнижна еста и проста" /Деян. 4, 13/.[63] Аввакум провозгласил, что "верных христиан простота толико мудрейши суть еллинских мудрецов".[64]

Герасим Фирсов многократно называет себя невежей, грубым, неуком. Но это лишь дань средневековой традиции,

этикетная формула. При этом Герасим убежден, что далеко не все христиане способны понять сложности богословия. В подтверждение своей мысли Герасим в Показании от божественных писаний цитирует послание апостола Павла к евреям /5, 12 - 14/ и Первое послание апостола Павла коринфянам /3, 1 - 2/: взрослым "свершеным и обучена имущим душевная чювьства к разсуждению лучшаго и злаго" можно есть твердую пищу, то есть заниматься сложными проблемами, а простые люди - "сущие о Христе младенцы" - должны довольствоваться молоком. Они не способны понять то, что доступно высокообразованным церковным деятелям.[65] Таким образом, Герасим стоит на одних позициях "идеологического аристократизма" с главами церкви и Симеоном Полоцким. / См. с. 115/.

Но каковы пределы человеческого разума в вопросах веры? Должна быть вера слепой или сознательной, подкрепленной доводами разума? Святоотеческая литература не дала определенного и однозначного ответа на этот вопрос. Герасим излагает свой взгляд на проблему в Показании от божественных писаний. /См. с. 107 - 110/. Фирсов хорошо знает положения, на которые опираются сторонники слепой веры, признает их каноничность, правильность и даже присоединяется на словах к такой точке зрения. Опираясь на слова Златоуста, Герасим следом за первыми утверждениями доказывает, что не испытывающие писания, не опирающиеся на разум в вопросах веры, наносят вред своей душе. Герасим отстаивает право каждого на подход к религиозным сочинениям с позиций разума. При этом он оговаривается, что нехватка знаний - небольшая вина. Главное, чтобы не было "с ненавычением кичения" /с. 109/.

Признание права на самостоятельную трактовку Священного писания - основного базового текста - являлось отправной точкой для любого свободомыслия. Это положение сближает Герасима с неортодоксальными идеологами.

Отношение Фирсова к вопросам культа тоже может быть выявлено по его сочинениям. Герасим признавал возможность неосознанных ошибок в обряде, в богослужебных книгах и допускал обрядовую реформу как принцип. Но он предлагал четкую систему проведения такой реформы: авторитетная комиссия должна собрать древние свидетельства, проанализировать их, выбрать наиболее достоверное, неиспорченное. Другая комиссия должна проконтролировать действия первой /с. 115, 124, 128, 129/. Герасим, по сути дела, описывает тщательную филологическую и историческую критику источников. Необходимость такой сложной работы Герасим объяснял тем, что вопросы культы запутаны. Ошибки в них накапливаются легко и быстро, а исправления производить необходимо, но очень трудно. Исправлять обряд может только знающий и осторожный человек. И правку его необходимо проверять.

Мысли о необходимости исправления книг с опорой на глубокую текстологическую критику, на доводы филологические и исторические, были высказаны в России еще в ХУ1 в. - Максимом Греком.[66] Его исправления и у современников, и у потомков встречали разное отношение. Многие считали подобную работу нарушением истинного предания, порчей книг. На таких позициях стояло большинство старообрядцев /не относя это к личности Максима Грека/. Герасим Фирсов в данном случае отстаивает одни позиции с гуманистически образованным афонским монахом.

Когда накануне реформы 1652 г. собирались древние греческие и русские пергаменные книги, подразумевалась именно та кропотливая работа, которую предлагал Фирсов. Но это не соответствовало реальным политическим задачам правительства, целью которого была унификация русского церковного обряда и приведение его в соответствие с малороссийской практикой. Важность этого с политической точки зрения определялась курсом на объединение Украины с Россией. Правительство Алексея Михайловича менее всего было заинтересовано в тонкостях филологической критики древнейших богослужебных рукописей.

Об отношении Герасима Фирсова к вопросам культа можно судить не только по его декларациям, но и по двум практическим разработкам обрядовых проблем.

В Показании от божественных писаний Герасим изучает вопрос об апостольских праздниках /с. 112 - 124/. Суть проблемы, с его точки зрения, заключается в несоответствии большого места апостолов в христианстве и малой значимости ряда апостольских праздников в русской церковной практики, стоящих по рангу ниже иных святительских и др. Фирсов собрал по книгам свидетельства авторитетных лиц по этому вопросу. На основании цитат из Никона Черногорца /где собраны данные по студитским, афонским и иерусалимским уставам/, Иоанна Постника, заповедей апостолов и их анализа Герасим сделал вывод: нужно изменить систему русского культа, поднять значение апостольских праздников над чествованием других святых, уравнять между собой все апостольские дни. Таким образом, Фирсов предложил довольно кардинальную перестройку церковной службы.

Второй обряд, к которому обращается Герасим Фирсов, непосредственно связан с реформой 1652 г. Это перстосложение для крестного знамения и благословения. Герасим глубоко убежден, что двуперстие - та форма обряда, менять которую не нужно. Для обоснования своей точки зрения он разворачивает две линии доказательств: традиционные средневековые доводы от авторитета /цепь свидетельств в пользу двуперстия, заимствованную у него всеми старообрядцами/ и логический анализ разных форм перстосложения в соотнесении с догматами о Троице и двойной природе Христа. И в первом, и во втором случае Герасим широко применяет изящные доказательства, свидетельствующие о прекрасной логике автора, исторические сведения, дает собственную трактовку темных мест /например, при анализе свидетельства Мелетия/.

В середине - второй половине ХУП в. происходит постепенный, неравномерный переход от привычных норм средневекового мышления к новому мировоззрению. Наряду с традиционным мистико-религиозным подходом к вопросам церковной жизни появляются элементы рационализма.[67] Именно такие - вполне рациональные - тенденции проявляются в подходе Герасима Фирсова к вопросам культа. По его мнению, при необходимости надо менять обряды. Но он выступает против изменений, неоправданных с богослужебной, церковной точки зрения. Политические доводы в культовых вопросах Фирсов не принимает. В этом проявляется позиция Герасима как деятеля церковного, для которого проблемы богослужения важнее проблем государственных. Герасим Фирсов достаточно свободно подходит к вопросам культа, но не нарушает канонов. В целом, в вопросах вероучения и культа он занимает срединную

позицию: с одной стороны, он и в теории, и на практике отстаивает право разума участвовать в решении вопросов веры, возможность рациональной правки или осознанного утверждения обрядовых систем; с другой стороны, Герасим далек от свободного отношения к писанию и смелого отказа от традиционной обрядности. В середине ХУП в. на Руси начало распространяться прогрессивное на определенном этапе учение о "двойственности истины",[68] то есть о разделении истин веры и разума. Герасим Фирсов довольно последовательно разделяет эти вопросы, подчеркивая самостоятельность каждого из них. Его воззрения, судя по всему, приближаются к теории "двойственной истины" в том виде, как она существовала в Шартрской школе /т.е. к умеренному варианту/.[69]

"Внешнее учение" само по себе не несет зла, по мнению Фирсова. Оно может сочетаться с "богодухновенной философией" /например,у Максима Грека - с. 167/, а может сопровождаться нечестивыми взглядами. Ориген был "изящным в премудрости", "зело премудрым", но он "нечестив и отвержен от церкви". Его мудрость не сочеталась с истинной верой /с. 176/. Но Бог даровал "еллинам" знание о том, что невидимо для глаз, но постижимо для разума, дал им "внешнее учение".

Герасима Фирсова в определенной степени можно называть представителем свободомыслия. Доказательством этого служит стремление писателя к рациональному взгляду на мир, признание права на самостоятельную трактовку Писания, утверждение сознательности в вопросах веры; но свободомыслие Фирсова носит умеренный характер. Герасим не допускает возможности противоречия между истинами разума и веры, умеренность очевидна и в отношении к вероучению и культу.

Провозглашая достоинство разума, Герасим предельно далек от просветительских взглядов. Он считает разум, образованность - особой привилегией. Фирсов во всех сочинениях выступает с позиций "интеллектуального аристократизма". Рядовые верующие для него простое стадо "пасомых", в руководстве которым хороши все средства. Не их дело размышлять о жизни и нравах пастырей. В политике Герасим выступает решительным сторонником приоритета церкви над светской властью.

В отношении иерархии позиция Фирсова сложна. Он безусловно признает иерархический принцип. Но именно Фирсов создал наиболее раннее теоретическое обоснование для откола от официальной церковной системы. Фирсов выстроил убедительную цепь доказательств в пользу того, что иерархи, священники, проклинающие "не по делу", сами отвержены от церкви, утрачивают благодать Святого Духа /с. 79, 126/. Фирсов находился в откровенной оппозиции церковным властям: он упрекал их за применение силы в вопросах веры, осуждал их за то, в каком направлении проводится реформа обряда, прямо обвинял руководителей церкви в еретичестве. Но Герасим скорее выступал против личного состава иерархии, чем против системы. Переход к беспоповской практике, осуществленный на Соловках в годы восстания - с 1669, 1673 гг., не был предметов обсуждения для Фирсова.

Высокообразованный в традиционном смысле книжник, чуткий к слову стилист, один из наиболее последовательных "барочных интеллектуалов" середины ХУП в., тяготевший к архаике в литературных взглядах и к широкому рациональному взгляду на мир, Герасим Фирсов никогда не выходил за пре-

делы общепринятых канонов. Он не сделал прямо ни одного радикального догматического или политического вывода, он всегда оставался в рамках догматики, хотя порой подходил к самой их грани. Нужен был лишь шаг, чтобы приступить к догматическому творчеству. Такой переход от канонических, но смелых концепций Фирсова к радикальным антицаристским и антицерковным взглядам был совершен в ходе Соловецкого восстания 1667 - 1676 гг. ценой многолетней и трудной внутренней борьбы,[69] в которой "книжники" и "простецы" вовсе не были разделены так четко и ясно, как представлялось это соловецкому иноку Герасиму Фирсову.

- - - - - - - - - -

1. О хронологии произведений Герасима Фирсова см.: Чумичева О.В. Археографический обзор сочинений Герасима Фирсова и его автографов. // Христианство и церковь в России феодального периода /материалы/. Новосибирск, 1989. С. 59 - 67.
2. Никольский Н.К. Сочинения соловецкого инока Герасима Фирсова по неизданным текстам. // ПДП. Т. 188. Пг., 1916. С. 110 - 111.
3. В хозяйственной жизни монастыря Герасим не играл серьезной роли. Ему четыре раза поручали приказную службу на трех рыбных промыслах: в Варзуге, Умбе и дважды в Яренге.- Там же. С. Ш.
4. Материалы для истории раскола за первое время его существования, изд. Н.И.Субботиным. Т. 3. М., 1878. С. 87.
5. Там же. С. 6.
6. ЛОИИ, колл. 148, оп. 1, д. 170.
7. Савич А.А. Соловецкая вотчина в ХУ - ХУП вв. Пермь, 1927. С. 263.

8. После отъезда Никанора Герасим писал ему, в частности упоминая о многолетней совместной жизни. - Никольский Н.К. Сочинения соловецкого инока Герасима Фирсова. С. 132 /Послание Герасима Фирсова к Никанору названо автором "Показанием от божественных писаний" и затрагивает широкий круг проблем, в том числе не вполне официальных/.

9. Савич А.А. Соловецкая вотчина. С. 263 - 264.

10. О деятельности оппозиции в 1650-х - начале 1660-х гг. см. подробнее: Сырцов И.Я. Возмущение соловецких монахов-старообрядцев в ХУП в. Кострома, 1888; Чумичева О.В. Новые материалы по истории Соловецкого восстания /1666 - 1671 гг./. // Публицистика и исторические сочинения периода феодализма. Новосибирск, 1989. С. 59 - 62; Чумичева О.В. Страницы истории Соловецкого восстания /1666 - 1676 гг./. // История СССР. 1990. № 1. С. 168 - 169.

11. Материалы для истории раскола. Т. 3. С. 13 - 16.

12. Там же. С. 84 - 85.

13. Подробнее см.: Чумичева О.В. Страницы истории Соловецкого восстания. С. 168; ЦГАДА, ф. 27, д. 538, л. 38 - 41; Материалы для истории раскола. Т. 3. С. 42 - 66, 114 - 115.

14. Там же. С. 203 - 206.

15. Там же. С. 73.

16. О бытовании этого сочинения Фирсова среди старообрядцев см.: Чумичева О.В. Археографический обзор сочинений Герасима Фирсова. С. 68 - 76.

17. Материалы для истории раскола. Т. 3. С. 107 - 110.

18. Там же. С. 110 - 111.

19. Там же. Т. 2. М., 1876. С. 17.

20. Там же. Т. 3. С. 113 - 114.

21. Там же. С. 114 - 117.

22. Сводка этих обвинений см.: Никольский Н.К. Сочинения соловецкого инока Герасима Фирсова. С. 1У - УШ.

23. Материалы для истории раскола. Т. 3. С. 76.

24. Буланин Д.М. О некоторых принципах работы древнерусских писателей. // ТОДРЛ. Т. 37. Л., 1983. С. 13.

25. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979. С. 106.

26. Здесь и далее сноски на сочинения Герасима в тексте по изданию: Никольский Н.К. Сочинения соловецкого инока Герасима Фирсова.

27. Этот образ сопоставим с названиями сборников - "Лимонарь", "Вертоград многоцветный", "Цветник".

28. Плигузов А.И. Авторские сборники основателей Выговской пустыни.// Древнерусская рукописная книга и ее бытование в Сибири. Новосибирск, 1982. С. 103.

29. Буланин Д.М. О некоторых принципах работы древнерусских писателей. С. 5 - 6.

30. Сравнить: о Сергие Шелонине - Кукушкина М.В. Монастырские библиотеки Русского Севера. Л., 1977. С. 100 - 101; о Герасиме Фирсове - Чумичева О.В. Археографический обзор сочинений Герасима Фирсова. С. 66 - 67.

31. Кукушкина М.В. Монастырские библиотеки Русского Севера. С. 101 - 102.

32. Чумичева О.В. "Ответ вкратце Соловецкого монастыря" и Пятая соловецкая челобитная /взаимоотношение текстов/. // Исследования по истории литературы и общественного сознания России периода феодализма. Новосибирск, 1992 /в печати/ - по геронтиевскому сборнику - ГБЛ, собр. Егорова 706.

О приемах работы Геронтия над рукописной книгой см. также: Бубнов Н.Ю. Работа древнерусских книжников монастырских библиотек /источники соловецкого "Сказания о новых книгах"/. // Книга и ее распространение в России в ХУ1 - ХУШ вв. Л., 1985. С. 37 - 58; Бубнов Н.Ю. "Сказание о новых книгах" /1667 г./ - источник Пятой соловецкой челобитной. // Материалы и сообщения по фондам ОР БАН за 1985 год. Л., 1987. С. 112 - 133.

33. Панченко А.М. Русская культура в канун петровских реформ. Л., 1984. С. 168, 170.

34. Никольский Н.К. Сочинения соловецкого инока Герасима Фирсова. С. XL .

35. Прохоров Г.М. "Лествица" Иоанна Синайского. // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 /вторая половина Х1У - ХУ1 в./. Ч. 2. Л., 1989. С. 15.

36. "Азбука". Вильно, 1596, названная в сочинении Герасима "Грамматикой". Эта единственная ошибка Фирсова в ссылках на источники цитирования. Из его Трактата о двуперстии неверная отсылка перешла в произведения других старообрядцев - Геронтия, Никиты Добрынина "Пустосвята", Авраамия.

37. Цит.по: Синицына Н.В. Максим Грек в России. М., 1977. С. 86.

38. Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка ХУП - Х1Х вв. М., 1982. С. 42.

39. Лихачев Д.С. Развитие русской литературы Х - ХУП вв . Эпохи и стили. Л., 1973. С. 88.

40. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. С. 117.

41. Панченко А.М. Русская культура в канун петровских реформ. С. 59.

42. Там же. С. 60; Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. С. 80 - 102.

43. Там же. С. 118 - 124.

44. Сравнить: Адрианова-Перетц В.П. Очерки поэтического стиля Древней Руси. М.-Л., 1947. С. 39, 33, 103 - 104.

45. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1972. С. 65.

46. Берман Б.И. Читатель жития /агиографический канон русского средневековья и традиция его восприятия/. // Художественный язык средневековья. М., 1982. С. 170.

47. Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977. С. 55.

48. Берман Б.И. Читатель жития. С. 162.

49. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. С. 71.

50. Там же. С. 72.

51. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. С. 12.

52. например: Зимин А.А. Митрополит Филипп и опричнина. // Вопросы истории религии и атеизма. М.-Л., 1963. Сб. 11. С. 269 - 292; Латышева Г.Г. Публицистический источник по истории опричнины /К вопросу о датировке/. // Вопросы историографии и источниковедения отечественной истории. М., 1974. С. 31, 44, 54 - 55.

53. Ромодановская Е.К. Повести о гордом царе в рукописной традиции ХУП - XIX веков. Новосибирск, 1985. С. 90 - 91; Полознев Д.Ф. Канонизация митрополита Филиппа в идейной борьбе за упрочение авторитета церкви в середине ХУП в. // Церковь, общество и государство в феодальной России. М., 1990. С. 283 - 293.

54. Знаменский П.В. Сергий Шелонин, один из малоизвестных

писателей ХУП века. // Православное обозрение. 1882. Апрель. С. 667 - 668. Автограф сочинения - ГПБ, Солов. собр. 939/1049.

55. Вальденберг В. Древнерусские учения о пределах царской власти. Пг., 1916. С. 33 - 34.

56. Там же. С. 36.

57. Соколов В.В. Средневековая философия. М., 1979. С. 90-91.

58. Григулевич И.Р. История инквизиции. М., 1970. С. 350.

59. Робинсон А.Н. Борьба идей в русской литературе ХУП в. М., 1974. С. 279 - 280.

60. Порфирьев И.Я. Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях по рукописям Соловецкой библиотеки.// Сборник ОРЯС АН. СПб., 1877. ХУП. С. 234.

61. Робинсон А.Н. Борьба идей в русской литературе. С. 235 - 236.

62. Пушкарев Л.Н. Юрий Крижанич. Очерк жизни и творчества. М., 1984. С. 149.

63. Робинсон А.Н. Борьба идей в русской литературе. С. 237 - 238.

64. Демкова Н.С. "Писанейце" Аввакума Федору Михайловичу Ртищеву. // ТОДРЛ. Т. 28. М.-Л., 1974. С. 387 - 389.

65. Характерно, что к той же цитате из послания апостола Павла /1 Кор. 3, 1 - 2/ и в тех же целях прибегает католический проповедник ХШ в. Этьен де Бурбон, призывая оставить "возвышенное - возвышенным духом и тонкое и глубокое - умам тонким и глубоким". А немощных в знаниях и грубых в вере питать млеком примеров и притч, а не твердой пищей богословия. - См.: Гуревич А.Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников. /Exempla ХШ века/.

М., 1989. С. 56.

66. Синицына Н.В. Максим Грек в России. М., 1977. С. 72-73.

67. Клибанов А.И. К характеристике новых явлений в русской общественной мысли второй половины ХУП - начале ХУШ в. // История СССР. 1963. № 6. С. 86.

68. Там же.

69. Соколов В.В. Средневековая философия. С. 178 - 179, 313 - 314, 343 - 344.

70. См.: Чумичева О.В. Новые материалы по истории Соловецкого восстания /1671 - 1676 гг./, ч. 2. // Источники по истории общественного сознания и литературы периода феодализма. Новосибирск, 1991. С. 37 - 53.